Маркиз де Фюмроль / рассказ

Category: Hekaýalar,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Маркиз де Фюмроль / рассказ МАРКИЗ де ФЮМРОЛЬ

Роже де Турнвиль рассказывал в кругу друзей, сидя верхом на стуле; в руке он держал сигару и время от времени, поднося ее ко рту, выпускал маленькие облачка дыма.

…Мы еще сидели за столом, когда нам подали письмо. Папа вскрыл его. Вы, конечно, знаете моего папашу, который считает себя временно замещающим короля во Франции. Я же зову его Дон-Кихотом, потому что он целых двенадцать лет сражался с ветряной мельницей республики, сам хорошенько не зная, во имя Бурбонов или во имя Орлеанов. Ныне он готов преломить копье только за Орлеанов, потому что остались они одни. Во всяком случае, папа считает себя первым дворянином Франции, самым известным, самым влиятельным, главою партии, а так как он несменяемый сенатор, то престолы соседних королей кажутся ему недостаточно прочными.
Что касается мамы, то она — душа отца, душа монархии и религии, правая рука господа на земле, бич всех нечестивцев.
Так вот: подали письмо, когда мы еще сидели за столом. Папа вскрыл его, прочитал, потом взглянул на маму:
— Твой брат при смерти.
Мама побледнела. О дяде в нашем доме почти никогда не говорили. Я совсем не знал его. Я знал только, что, по общему мнению, он вел и продолжает вести беспорядочный образ жизни. Прокутив с бесчисленным количеством женщин свое состояние, он оставил при себе только двух любовниц, с которыми и жил в маленькой квартирке на улице Мучеников.
Бывший пэр Франции, отставной кавалерийский полковник, он, как говорили, не верил ни в бога, ни в черта. Сомневаясь в бытии грядущем, он злоупотреблял на все лады бытием земным и в сердце моей матери уподобился кровоточащей ране.
Она сказала:

— Дайте мне письмо, Поль.
Когда письмо было прочитано ею, я тоже попросил его. Вот оно:

«Ваше сиятельство, считаю своим долгом сообщить вам, что ваш шурин маркиз де Фюмроль помирает. Может, вам угодно как распорядиться, и не забудьте, что это я вас предупредила.
Ваша слуга Мелани».

Папа прошептал:
— Надо что-то предпринять. Мое положение обязывает меня позаботиться о последних минутах вашего брата.
Мама отвечала:
— Я пошлю за аббатом Пуавроном и посоветуюсь с ним. Потом вместе с аббатом и Роже отправлюсь к брату. Вы, Поль, останьтесь дома. Вам не следует себя компрометировать. Женщина может и должна заниматься такими делами. Но для политического деятеля, и на вашем посту — это неудобно. Кто-нибудь из ваших врагов легко может обратить против вас самый похвальный ваш поступок.
— Вы правы, — согласился отец. — Поступайте, мой друг, как вам подскажет внутренний голос.
Через четверть часа аббат Пуаврон появился в гостиной; положение дел было изложено, взвешено и всесторонне обсуждено. Если маркиз де Фюмроль, носитель одного из славнейших имен Франции, умрет без покаяния, это будет ужасный удар для дворянства вообще и для графа де Турнвиль в частности. Свободомыслящие будут торжествовать победу. Зловредные газетки полгода будут трубить о ней, имя моей матери окажется запятнанным, его станут упоминать в статейках социалистических листков; имя отца будет замарано. Невозможно допустить, чтобы все это случилось.
Таким образом, немедленно был решен крестовый поход пол предводительством аббата Пуаврона, маленького, толстенького и благопристойного священника, слегка надушенного, настоящего викария большой церкви в аристократическом и богатом квартале.
Подали ландо, и вот мы втроем — мама, кюре и я — отбыли напутствовать дядю.

Было решено прежде всего переговорить с мадам Мелани, автором письма, — вероятно, привратницей или служанкой дяди.
В качестве разведчика я первый высадился из экипажа у подъезда семиэтажного дома и вошел в темный коридор, где едва разыскал мрачную каморку привратника. Этот человек подозрительно осмотрел меня с ног до головы.
Я спросил:
— Скажите, пожалуйста, где живет мадам Мелани?
— Не знаю!
— Я получил от нее письмо.
— Возможно. Но я не знаю. Она содержанка, что ли?
— Нет, по всей вероятности, горничная. Она просила у меня места.
— Горничная?.. Горничная?.. Может быть, это у маркиза? Поищите в шестом налево.
Узнав, что я разыскиваю не содержанку, он стал любезнее и даже вышел в коридор. То был высокий худой старик с седыми бакенбардами и размеренными жестами, похожий на церковного сторожа.
Я быстро взбежал по грязной витой лестнице, не рискуя прикасаться к перилам, и на шестом этаже тихо стукнул три раза в дверь налево.
Дверь тотчас же отворилась; передо мной стояла неопрятная женщина огромного роста; руками она упиралась в дверной косяк, загораживая вход.
Она пробурчала:
— Чего вам?
— Вы мадам Мелани?
— Она самая.
— Я виконт де Турнвиль.
— А, хорошо, войдите.
— Видите ли… моя мама внизу со священником.
— Хорошо! Ступайте за ними. Только берегитесь привратника.
Я сбежал вниз и снова поднялся с мамой, за которой следовал священник. Мне показалось, что за нами слышатся еще чьи-то шаги.
Когда мы очутились на кухне, Мелани предложила нам стулья. Мы

все четверо уселись и приступили к совещанию.
— Ему очень плохо? — спросила мама.
— Да, сударыня, долго не протянет.
— Расположен он принять священника?
— Нет… не думаю!
— Могу я его видеть?
— Да… конечно… сударыня… но только… только… около него эти дамы.
— Какие дамы?
— Да… эти… ну, его приятельницы.
— А!
Мама густо покраснела.
Аббат Пуаврон опустил глаза.
Это начинало меня забавлять, и я сказал:
— Не войти ли сначала мне? Я посмотрю, как он меня примет; может быть, мне удастся подготовить его.
Мама, не поняв моей хитрости, ответила:
— Иди, дитя мое.
Но где-то открылась дверь, и женский голос крикнул:
— Мелани!
Толстая служанка устремилась туда.
— Что угодно, мамзель Клэр?
— Омлет, да поскорее,
— Сию минуту, мамзель.
Вернувшись, она объяснила нам, зачем ее звали:
— К двум часам заказан омлет с сыром, на завтрак.
И тотчас яростно принялась взбивать яйца в салатнике.
Я же вышел на лестницу и дернул звонок, чтобы официально возвестить о себе.
Мелани, открыв дверь, попросила меня присесть в прихожей и отпросилась к дяде доложить, что я здесь, а потом пригласила меня войти.
Аббат спрятался, за дверью, чтобы явиться по первому знаку.
Право, я был поражен увидев дядю. Старый кутила был очень красив, очень величав, очень импозантен.
Он полулежал в огромном кресле; ноги его были закутаны одеялом, а руки, длинные и бледные, свисали с подлокотников;

он ожидал смерти с библейским величием. Седая борода ниспадала ему на грудь, а волосы, тоже совершенно седые, сливались с нею на щеках.

За его креслом, как бы готовясь защищать его, стояли две молодые женщины, две толстухи, смотревшие на меня наглыми глазами уличных потаскушек. В нижних юбках и небрежно накинутых капотах, с обнаженными руками, с закрученными кое-как на затылке черными волосами, в стоптанных восточных туфлях, расшитых золотом и позволявших видеть их лодыжки и шелковые чулки, они казались возле этого умирающего непристойными фигурами какой-то аллегорической картины. Между креслом и постелью, на столике, накрытом скатертью, были приготовлены две тарелки, два стакана, две вилки и два ножа в ожидании омлета с сыром, только что заказанного Мелани.

Слабым голосом, задыхаясь, но отчетливо дядя произнес:

— Здравствуй, дитя мое. Поздновато ты пришел повидаться со мной. Наше знакомство долгим не будет.

Я пролепетал:

— Это не моя вина, дядя…

Он ответил:

— Да, я знаю. Это гораздо больше вина твоих родителей, чем твоя… Как они поживают?

— Благодарствуйте, неплохо. Узнав, что вы больны, они послали меня наведаться, как вы себя чувствуете.

— А! Почему же они не приехали сами!

Я поднял глаза на девиц и тихо сказал:

— Не их вина, дядя, что они не могут приехать. Отцу было бы трудно, а матери невозможно войти сюда.

Старик ничего не ответил и только протянул мне руку. Я взял эту бледную, холодную руку и удержал ее в своей. Дверь отворилась: Мелани принесла омлет и поставила его на стол. Женщины тотчас же уселись перед своими приборами и принялись за еду, не спуская с меня глаз.

— Дядя, — сказал я, — для матери было бы большой радостью обнять вас.

Он прошептал: «Я тоже… хотел бы…» И замолк. Я не знал, что еще сказать, и в комнате слышалось только постукивание вилок по

фарфору и чавканье жующих ртов.
Тогда аббат, который подслушивал у двери, уловив заминку в нашем разговоре и считая дело уже выигранным, решил, что наступил подходящий момент, и вошел в комнату.
Дядя был настолько ошеломлен, что сначала и не пошевельнулся; затем он широко открыл рот, словно хотел проглотить священника, и закричал сильным, низким, яростным голосом:
— Что вам здесь нужно?
Аббат, привыкший к трудным положениям, подступал к нему все ближе и ближе, бормоча:
— Я пришел от имени вашей сестры, маркиз; это она послала меня к вам… Она была бы так счастлива, маркиз…
Но маркиз не слушал его. Подняв руку, он трагическим и величественным жестом указал на дверь и, задыхаясь, негодующе произнес:
— Убирайтесь вон!.. Убирайтесь вон… похитители душ… Убирайтесь вон, растлители совести… Убирайтесь вон, не смейте вламываться в двери умирающего!..
Аббат отступал, за ним отступал к дверям и я, забив отбой вместе с духовенством, а две отмщенные толстухи, бросив недоеденный омлет, поднялись и стали по обе стороны кресла, положив руки на плечи дяде, чтобы успокоить его и защитить против преступных умыслов Семьи и Религии.
Мы с аббатом вернулись на кухню к маме. Мелани снова предложила нам сесть.
— Я заранее знала, что так просто дело не выйдет, — сказала она. — Нужно придумать что-нибудь другое, иначе он ускользнет от нас.
И снова началось совещание. Мама предлагала одно, аббат — другое, я — третье.
Мы препирались шепотом с полчаса, как вдруг страшный шум опрокидываемой мебели и крики дяди, еще более дикие и ужасные, чем раньше, заставили всех нас вскочить.
Сквозь двери и перегородки доносилось:
— Вон… вон… грубияны… мерзавцы… вон, негодяи… вон… вон!..
Мелани бросилась в спальню дяди и тотчас вернулась, призывая меня на помощь. Я побежал туда. Дядя вопил, привстав от ярости

с кресла, а прямо напротив него стояли один позади другого два человека, казалось, выжидавшие, когда он умрет от бешенства.
По длинному нелепому сюртуку, по узким английским ботинкам, по всей внешности, напоминавшей безработного учителя, по туго накрахмаленному воротничку, белому галстуку, прилизанным волосам, по смиренной физиономии лжесвященника ублюдочной религии я сразу узнал в первом из них протестантского пастора.
Второй же был привратник этого дома, по вероисповеданию лютеранин: выследив нас и убедившись в нашем поражении, он побежал за своим священником, рассчитывая на большую удачу.
Дядя, казалось, обезумел от бешенства. Если вид католического аббата, священника его предков, вызвал у свободомыслящего маркиза де Фюмроля раздражение, то лицезрение представителя религии собственного швейцара совершенно вывело его из себя.
Я схватил их за руки и вышвырнул вон с такой силой, что они дважды жестоко стукнулись друг о друга в дверях, выходивших на лестницу.
После этого я ретировался и вернулся в кухню, в наш главный штаб, посоветоваться с матерью и аббатом.
Но тут вбежала, рыдая, испуганная Мелани:
— Он умирает, он умирает… идите скорее… он умирает…
Мама вбежала в спальню. Дядя неподвижно лежал на полу, растянувшись во весь рост. Я был уверен, что он уже мертв!
Мама была великолепна в эту минуту! Она двинулась прямо на девиц, стоявших на коленях возле тела и пытавшихся его поднять. И властно, с достоинством, с непререкаемым величием показав им на дверь, она произнесла:
— Теперь извольте выйти отсюда!
И они вышли, не возражая, не сказав ни слова. Нужно прибавить, что я со своей стороны собирался выставить их не менее энергично, чем пастора и привратника.
Тогда аббат Пуаврон стал напутствовать дядю со всеми подобающими молитвами и отпустил ему грехи.
Мама рыдала, простершись возле брата.
Вдруг она воскликнула:
— Он узнал меня! Он пожал мне руку. Я уверена, что он узнал меня!.. И он поблагодарил меня!.. О боже, какое счастье!

Бедная мама! Если бы она поняла или догадалась, к кому и к чему должна была относиться эта благодарность!
Дядю положили на кровать. Теперь он был мертв бесспорно.
— Сударыня, — сказала Мелани, — у нас нет простынь, чтобы покрыть его. Все белье принадлежит этим дамам.
А я смотрел на омлет, который они так и не доели, и мне хотелось в одно и то же время и смеяться и плакать. Бывают иногда в жизни странные минуты и странные переживания.
Мы устроили дяде великолепные похороны, пять речей было произнесено на его могиле. Сенатор барон де Круассель в возвышенных выражениях доказал, что господь всегда остается победителем в душах людей высокого рода, временно заблуждавшихся. Все члены роялистской и католической партии с энтузиазмом победителей шествовали в погребальной процессии, беседуя о столь прекрасной смерти после немного бурной жизни.

Виконт Роже замолчал. Вокруг смеялись. Кто-то сказал:
— Да! Это история всех обращений in extremis [1].

* * *

[i][1] В последние минуты жизни (лат.)

Новелла напечатана в «Жиль Блас» 5 октября 1886 года.

Двенадцать лет сражался с ветряной мельницей республики. — Третья республика была провозглашена во Франции 4 сентября 1870 года, но в течение всех 70-х годов три монархические партии: легитимисты, орлеанисты и бонапартисты — продолжали упорно бороться против республиканского принципа. Легитимисты, сторонники старшей ветви королевского дома Бурбонов, низложенной в 1830 году, имели своим претендентом в 70-х годах так называемого Генриха V; орлеанисты выдвигали на престол в 70-х годах графа Парижского, внука короля Луи-Филиппа; бонапартисты желали возвращения власти Наполеону III, а после его смерти — его сыну. В борьбе против республики все Эти партии, стремившиеся сыграть на реакции, наступившей после гибели Парижской коммуны, объединялись в виде

общемонархического блока; в 1873 году бонапартисты подавали, например, свои голоса за Генриха V и графа Парижского. Таким образом, если отец рассказчика боролся, сам хорошенько не зная, за кого, — это было делом довольно естественным и представляло собой прежде всего борьбу против республики.

Ныне он готов преломить копье только за Орлеанов, потому что остались они одни. — Кандидаты бонапартистов, Наполеон III и его сын, умерли еще в 70-х годах: первый — в 1873 году, второй — в 1879 году; Генрих V умер в 1883 году. Действие новеллы приурочено, следовательно, к периоду 1883 — 1886 годов, но в эту пору республика уже окрепла, борьба монархических партий утратила прежнюю силу и часть монархистов искала примирения с новым строем. В этой обстановке не удивительно, что сенаторское кресло Третий республики казалось отцу рассказчика гораздо устойчивее тронов соседних королей.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 6. МП «Аурика», 1994
Перевод К. Локса. Hekaýalar